

Уракова Александра Павловна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, Поварская ул., 25а;
alexandraurakova@yandex.ru

От симпатии к заражению: «Писец Бартлби» и филантропический дискурс США середины XIX в.

Для цитирования: Уракова А. П. От симпатии к заражению: «Писец Бартлби» и филантропический дискурс США середины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 376–389. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.305>

В статье предлагается анализ знаменитого рассказа Г. Мелвилла «Писец Бартлби» (1854) в контексте филантропических практик и риторики благотворительности США так называемого довоенного периода (1820–1850-е годы). Утверждается, что рассказчик (стряпчий) — это тип сентиментального филантропа: он движим сочувствием и симпатией к Бартлби и вместе с тем находится во власти моральных конвенций и предрассудков своего времени. С одной стороны, благотворительность считалась богоугодным занятием, была нераздельной частью сентиментального образования, домашней и социальной жизни. С другой стороны, благотворительные практики исходили из принципов так называемой «экономии милосердия», если воспользоваться термином американской поэтессы Лидии Сигурни: имеется в виду систематическое жертвование бедным небольшой доли денег или времени, основанное на принципе разумного распределения средств. Американские благотворители «довоенного» времени также руководствовались жесткими нравственными критериями, разделяя бедных на достойных (т. е. работающих и благочестивых) и недостойных (тунеядцев, лжецов и попрошайек). Образ Бартлби, с одной стороны, соотносится с типом «недостойного бедного» (*unworthy poor*) — иждивенца, отказывающегося зарабатывать на жизнь честным трудом и порицаемого американским обществом, с другой — не вписывается в заданные рамки: персонаж не уличен в безнравственности и не занимается попрошайничеством. Мелвилл использует стереотипы современного ему филантропического дискурса с тем, чтобы поставить сложные этические вопросы и предложить принципиально альтернативную модель отношений между благотворителем и его подопечным. В частности, такая распространенная в середине XIX в. филантропическая практика, как визит к бедным (*visit of the poor*), представлена в рассказе в гротескном и инверсированном виде. Наконец, сентиментальную симпатию подменяет романтический и готический мотив заражения, который предполагает принципиально иную модель отношений: если симпатия основана на идее тождества универсальных гуманистических ценностей и чувств, то заражение вовлекает персонажа в невольное сопереживание иному, которое воспринимается в обществе как аномалия и не подлежит сочувствию. В статье также показано, как идея милосердия, смещаясь из сферы домашнего и привычного, начинает граничить с готическим и жутким.

Ключевые слова: Г. Мелвилл, *Писец Бартлби*, благотворительность, этика, филантроп, *недостойный бедный*, визиты к бедным, симпатия, заражение, жуткое.

Еще в 1989 г. американский критик Дэн Маккол отметил существование «индустрии Бартлби» (Bartleby industry) [McCall 1989: X]. С тех пор библиография исследовательских работ о «Писце Бартлби» («Bartleby the Scrivener», 1854) существенно пополнилась; в самом деле, это один из самых хорошо изученных рассказов Германа Мелвилла (1819–1891) и, возможно, один из самых хорошо изученных художественных текстов в истории американской литературы. В данной статье предлагается еще одна интерпретация, которая, как мы надеемся, позволит перечитать рассказ с ракурса, недостаточно исследованного в американской критике и безусловно нового для отечественной американистики. Помещая рассказ в контекст филантропического дискурса США середины XIX в., мы надеемся привлечь внимание читателя на этическую проблематику рассказа в ее соотносительности с социальными реалиями так называемой довоенной (antebellum) эпохи¹.

Дж. Хиллис Миллер справедливо пишет о том, что «“Писец Бартлби” — это не столько история Бартлби, сколько история об этическом отношении (ethical relation) к Бартлби рассказчика, или, точнее, о его провале»² [Miller 1990: 142]. Отношения стряпчего и Бартлби выстраиваются как отношения: 1) работодателя и работника; 2) благодетеля и его подопечного; 3) биографа и его героя. Все три социальные модели терпят фиаско: работодатель нанимает писца, который «предпочитает не» работать; благодетель, невзирая на все усилия, не только не получает взамен благодарности, но и становится свидетелем плачевного «результата» — смерти своего подопечного; наконец, биограф пишет историю человека, которого не знает [Miller 1990: 142]. Зазор между тремя социальными ролями стряпчего, отмечаемый Хиллисом Миллером, в самом деле очень интересен — особенно если учесть, что рассказ был написан незадолго до выхода последнего романа Мелвилла «Шарлатан» («Confidence Man», 1857), во многом посвященного благотворительности как несостоявшемуся национальному проекту.

Практически все исследователи «довоенной» филантропии отмечают присущую ей амбивалентность. С одной стороны, благотворительность опиралась на идею безусловного христианского долга и сентиментальной симпатии к несчастным и обездоленным; филантроп, согревая сироту фланелевыми носками или устраивая на работу вдову, был прежде всего движим «зовом сердца». С другой стороны, в основе большинства благотворительных практик лежали принципы разумной экономии — «экономии милосердия» (the economy of charity), говоря словами поэтессы и автора пособия по домашнему хозяйству «Письма для юных леди» Лидии Сигурни [Sigourney 1833: 106]. Благотворительность, которой занимались в первую очередь дамы среднего класса, входила в круг домашних дел; различные пособия и инструкции были призваны ее упорядочить и систематизировать. Как писала автор знаменитого «Трактата о домашней экономии» Кэтрин Бичер:

«То, что мы должны отдавать **часть** своего времени, денег и усилий на помощь нуждающимся, признают все. Но сколько мы должны отдавать и на кого мы должны расточать наше милосердие, может поставить в тупик размышляющий ум» [Beecher 1843: 168].

¹ Принятое в американской критике обозначение периода в истории литературы, предшествующего Гражданской войне между Севером и Югом (1820–1850-е годы).

² Здесь и далее перевод цитат из английских изданий принадлежит автору статьи.

Чтобы помочь своим читательницам, Бичер разработала сложную систему распределения средств, объединяя все домашние траты в три неравные группы и оценивая их с точки зрения «необходимого» и «избыточного». Потраченное на удовольствие не должно превышать сумму, отведенную на образование и благотворительность; то же касается и времени [Beecher 1843: 175]. Строгих критериев, по которым можно было бы разделять «необходимое» и «излишки», Бичер не предлагает, допуская здесь некоторую погрешность и советуя мысленно обращаться за советом к Богу. Однако составление самой сметы строго обязательно.

«Что если женщина говорит, что не может этого делать? В таком случае ее нужно спросить, станет ли она этим заниматься, если бы ей предложили тысячу долларов в конце года в качестве вознаграждения? Пусть подумает и решит, что ценнее: чистая совесть и одобрение Бога за то, что она исполняет Его волю, или же тысяча долларов? И пусть перед глазами у нее будут слова из Библии: „Нельзя служить двум господам“ и „Не можете служить Богу и маммоне“» [Beecher 1843: 174].

Данный пассаж замечателен тем, что Бичер, подчеркивая превосходство духовных ценностей над материальными, тем не менее исходит из их соизмеримости. Евангельская максима о невозможности одновременно служить Богу и маммоне встроена в сложную систему расчетов: на службу Богу выделяется третья часть расходуемых средств, которая должна быть, в совокупности с расходами на образование, не меньше трат на «безделушки» [Beecher 1843: 175]. Благотворительность и роскошь в идеальной экономии Бичер становятся эквивалентными, а удовольствие и долг уравнивают друг друга. Именно по поводу такой экономии иронизировал Г. Торо, когда писал в «Уолдене»:

«Ты хвалишься, что тратишь на благотворительность десятую часть своих доходов, — не лучше ли отдать и остальные девять десятых и сразу покончить с этим делом?» [Торо 1979: 87].

Другой особенностью филантропического дискурса «довоенного» периода следует назвать общее недоверие к нищим и жесткое разделение бедных на достойных и недостойных (*worthy / unworthy poor*). Исследователи усматривают здесь национальную специфику³: недоверие отчасти подкреплялось мифологемой Нового Света — Америка, в отличие от Европы, предлагает равные возможности для всех, — и, следовательно, бедность напрямую связывалась с пороком или ленью. Бичер, к примеру, пишет:

«Земля настолько богата ресурсами и здесь так много возможностей для работы, что любой здоровый человек в состоянии себя прокормить. И если бы бедные в одно мгновение стали добродетельными, возможно, и не было бы таких материальных нужд, с какими бы каждый страдалец не справился бы при помощи близких друзей. Только больные, старики и сироты стали бы единственным объектом милосердия» [Beecher 1843: 177–178].

³ Например, по словам Р.Х. Бремнера, «слово „филантропия“ и идеи, которые оно выражало, вызывали смешанные чувства у американца <...> на глубинном уровне в филантропии есть нечто идущее в разрез с идеей демократии (*seems to go against the democratic grain*)» [Bremner 1988: 2].

Столь же определенно звучит эта же мысль в романе «Бедный богатый и богатый бедный» («The Poor Rich Man, and the Rich Poor Man», 1836) современницы Бичер Кэтрин Седжвик. Герой романа Гарри Эйкен, благочестивый «бедный», заявляет:

«...[В] этой стране настоящий комфорт и лучшие жизненные удовольствия — гостеприимство, щедрость, милосердие — доступны и для бедных; если они **умны и хозяйственны (if intelligent and managing)**, то не вынуждены, даже самые неблагоустроенные, проводить жизнь в мучительных попытках свести концы с концами; при помощи усердия и изобретательности они могут развивать ум и сердце, свои и собственных детей, направляя последних к процветанию, равно открытому для всех» [Sedgwick 1836: 106].

Подобные представления были устойчивы, хотя едва ли соответствовали социальным реалиям больших городов, в которых ряды нищих ежегодно пополнялись эмигрантами и беглыми рабами. Особенно сильным было недоверие к неработающему или не желающему работать бедняку; если «усердие и изобретательность» неизменно ведут к процветанию, то сознательный саботаж работы де факто признавался пороком и злом.

К середине XIX в. обычной практикой стали так называемые визиты к бедным (visits of the poor). Эти визиты нередко были актом доброй воли самих филантропов и поощрялись как стремление делать добрые дела самолично; однако не менее часто они совершались агентами благотворительных организаций и по форме напоминали детективные расследования: визитеры бесцеремонно входили в дома нуждающихся, причем визиты подчас осуществлялись вопреки воле и желанию последних. Задача подобных вторжений заключалась в том, чтобы отличить достойного бедного от недостойного, порок от добродетели, злой умысел от благонамеренности. «Визитеры» стремились вывести на чистую воду профессиональных нищих, лицемеров, пьяниц и лентяев, чтобы собранные на благотворительность средства не попали в нечистые руки. Иными словами, это были настоящие детективные расследования без криминальной составляющей.

Заметим, что на этот счет существовали специальные инструкции. Например, в Америке большим спросом пользовалась книга французского филантропа барона Жозефа-Мари де Жерандо, которая так и называлась — «Посетитель бедных» («The Visitor of the Poor», 1832). Жерандо предостерегал от подаяний случайным нищим на улице, рисуя страшную картину: подавая милостыню, ты можешь дать деньги убийце, который купит на них кинжал и воткнет тебе его в спину, даже не ведая о том, что убивает своего благодетеля [Gerando 1832: 9]. Именно поэтому истинное милосердие сопряжено с расследованием и контролем: сначала узнай, достоин ли бедный милосердия, и только потом окажи ему посильную помощь. Визитеру предлагалось осмотреть жилище, поговорить с арендодателем и с соседями, наконец, не только допросить бедного, но и сделать выводы на основании собственных наблюдений.

«Опытный наблюдатель может многое вычитать из черт и выражения лица человека, которого он хочет узнать. Обычно выражение лица более красноречивое и искреннее у низших классов, где уделяют меньше внимания **манерам**» [Gerando 1832: 27].

Говоря о «визитах к бедным» — «системе, которая максимально увеличила возможности для надзора и рационализировала сам акт дарения», — американская исследовательница С. М. Райен обращает внимание на вытеснение сочувствия другими эмоциями, на торжество «расследования (investigation) над симпатией» и усматривает в самой практике выраженные несентиментальные или антисентиментальные элементы филантропии «довоенной» эпохи [Ryan 2003: 27]. Сторонники визитов «словно говорили: к чему рисковать, отождествляя себя с чувствами и эмоциями просителя, если их подлинность нельзя проверить?» [Ryan 2003: 19]. В то же время де Жерандо призывал начинающих филантропов не к поверхностному расследованию, а к глубокому познанию: «Проникни в секреты этого страждущего сердца» [Gerando 1832: 42].

Райен впервые обратила внимание на то, что в «Бартлби» Мелвилл не только пародирует, но и инверсирует данную практику [Ryan 2003: 61]. Одним воскресным утром стряпчий «навещает» Бартлби в своем же собственном офисе, совершенно случайно обнаружив, что его работник давно там живет.

«Без всякой помехи я вставил ключ в замок, отворил дверь и вошел. Бартлби не было видно. Я с опаской огляделся, заглянул за ширмы; было ясно, что он ушел. Более внимательный осмотр помещения убедил меня в том, что Бартлби уже давно и ест, и одевается, и спит у меня в конторе, притом без тарелок, без зеркала и без кровати» [Мелвилл 1988: 36].

Стряпчий, подражая благотворительным агентам, обращает внимание на детали:

«...под столом у Бартлби я обнаружил скатанное одеяло; в давно не топленном камине — банку с ваксой и щетку; на стуле — жестяной таз, мыло и рваное полотенце; а в газете — крошки от имбирных пряников и небольшой кусок сыра» [Мелвилл 1988: 37].

Замечательно, что инспекция «жилья» Бартлби начинается с подозрения:

«Неужто тут творятся некрасивые дела? Нет, это исключено. Заподозрить Бартлби в безнравственности просто немислимо. Но чем же он там занимался? Переписыванием? Опять-таки нет» [Мелвилл 1988: 36].

Офис стряпчего временно становится жилищем или домом Бартлби, явно используя не по назначению.

В то же время заметим, что «визит» стряпчего и его подозрительный осмотр не дают никакого результата. В отличие от многих своих современников, стряпчий все время рефлексировал по поводу собственной деятельности:

«Я мог подать ему милостыню; но тело его не страдало — мучилась его душа, а душа его была для меня недосыгаема» [Мелвилл 1988: 39].

Эти слова — осознание того, что его сентиментальная миссия терпит крах: стряпчий так и не смог «проникнуть» в глубины страждущего сердца, к чему призывали идеологи «визитов к бедным». В результате осмотра импровизированного «жилища» Бартлби «расследование» вытесняется даже не «симпатией», а сильным эмпатическим чувством: стряпчего охватывает чувство «тягостной, щемящей печали» (overpowering stinging melancholy).

«Раньше мне приходилось испытывать только не лишённую приятности грусть. Теперь же сознание родственной связи с другими людьми невыразимо меня угнетало. Печаль брата! (A fraternal melancholy!). Ведь мы с Бартлби оба были сынами Адама» [Мелвилл 1988: 37; Melville 1997: 33].

Постепенно, однако, это новое, не испытываемое им прежде чувство начинает меняться:

«Первыми моими чувствами были чистая печаль (melancholy) и искренняя жалость: но по мере того как я все яснее представлял себе, до какой степени Бартлби несчастен и одинок, печаль (melancholy) переходила в страх, а жалость в неприязнь» [Мелвилл 1988: 38; Melville 1997: 33].

Сам герой объясняет эту метаморфозу не себялюбием, а благоразумием человека перед лицом несчастья, которому он не может помочь. Перед нами прямая аллюзия к «Теории нравственных чувств» Адама Смита:

«Хотя сострадание есть естественное чувство человека, все же мы никогда так живо не чувствуем за другого, как за самих себя <...> чувство нашей собственной безопасности, мысль о том, что действительно страдает кто-то другой не могут по-кинуть нас» [Смит 1997: 42].

Рассказчик — это образцовый сентиментальный филантроп: с одной стороны, он движим жалостью и чувством морального долга, с другой — чувством самосохранения; он стремится к компромиссу между бескорыстием и собственными интересами. Как говорит сам стряпчий, чье терпение Бартлби то и дело испытывает:

«...всем, особенно же людям вспыльчивым, должно **хотя бы ради собственной пользы**, если уж нет у них более благородных побуждений, стремиться к милосердию и добрым делам». [Мелвилл 1988: 46].

Милосердие ради собственной пользы и выгоды — еще одна аллюзия к «Теории нравственных чувств» и философам Просвещения, а также к сентиментальной этике в целом.

Тема милосердия имеет в рассказе не только ярко выраженный этический, но и социально-экономический аспект. Бартлби — наемный работник, который в какой-то момент отказывается выполнять свою работу. Добросердечному стряпчему ничего не остается, как сменить свой статус работодателя на статус благотворителя: или ты платишь за работу, или отдаешь часть своих средств страждущему в благотворительных целях, третьего не дано. Проблема заключается, однако, в том, что Бартлби не соответствует представлениям о достойном бедном (worthy poor) — притом что, как уже упоминалось, «заподозрить в безнравственности» его «немыслимо». Он не склонен к пороку и пьянству, довольствуется ничтожно малым — пятью центами в день — и питается одними грошовым имбирными пряниками. Казалось бы, вот основа для нарратива об успехе, сюжет многочисленных современных Мелвиллу «историй успеха» («success stories») о бедняке, который в результате упорного труда и лишений в конце концов выбивается в люди. Например, в рассказе Себы Смита «Билли Снаб, газетчик» («Billy Snub, The Newsboy», 1842) повествуется о маленьком мальчике Билли Снабе. Убедив от отца-пьяницы,

он устроился на работу газетчиком; предельно ограничивая себя во всем и ежедневно откладывая сбережения из заработка, он сумел не только помочь своей голодающей семье, но и сколотить небольшой капитал. Рассказ заканчивается словами:

«Он активен, здоров, честен и упорен; безусловно, он станет богатым и уважаемым человеком, чье имя засияет на странице блистательной истории семьи Снабов — как имя ее основателя» [Smith S. 1843: 84].

Но Бартлби — человек без семьи и привязанностей — в отличие от Билли Снаба не стремится к успеху и благоденствию; он **отказывается** работать.

Казалось бы, он не принимает помощи — и деньги, и (в финале рассказа) обед остаются нетронутыми, — однако он пользуется милостью стряпчего опосредованно, продолжая жить в конторе, не оплачивая помещение и не платя налоги (на что стряпчий сетует в сердцах). Жить на иждивении в американском обществе того времени мог позволить себе только инвалид, и рассказчик хватается за эту идею как за соломинку:

«Меня осенила догадка, что работа у темного окна, да еще при том беспримерном усердии, какое проявлял он в первые недели, плохо отразилась на его зрении. Я был растроган» [Мелвилл 1988: 41].

Но «соломинка» только погружает стряпчего в бездну недоумения: Бартлби не только не стремится восстановить зрение, но и отказывается выполнять простейшие поручения, не требующие зрительного напряжения.

Неудивительно, что несоответствие Бартлби образу «достойного бедного» бросает тень на репутацию самого благотворителя и делает его деятельность как минимум экстравагантной.

«Я бы, вероятно, так и пребывал в этом возвышенном и отрадном состоянии духа, если бы мои деловые знакомые, бывавшие у меня в конторе, не стали мне навязывать своих непрошенных и негуманных советов. Но ведь частенько бывает, что лучшие намерения людей доброжелательных в конце концов разбиваются о постоянное противодействие менее великодушных умов» [Мелвилл 1988: 47].

Друзья рассказчика начинают говорить о «привидении» [Мелвилл 1988: 48] обитающем в его конторе, — мрачная метафора, заставляющая стряпчего заподозрить злой умысел Бартлби:

«...чего доброго, переживет меня, да еще вздумает притязать на мою контору, ссылаясь на бессменное там проживание» [Мелвилл 1988: 48].

«Писец Бартлби» — рассказ, который, как никакой текст XIX в., ставит вопрос о границах милосердия: где наступает его предел, где заканчиваются его возможности? Стряпчий переезжает в другую контору, оставляя Бартлби, но через некоторое время возвращается:

«Напрасно я твердил, что Бартлби для меня чужой человек, так же как и для всех здесь присутствующих. Нет, я последним имел к нему какое-то отношение, и мне не уйти от ответа» [Мелвилл 1988: 48].

Увидев Бартлби сидящим на перилах конторы к негодованию новых владельцев, стряпчий (опасаясь, что его имя появится в газетах) пытается договориться со своим бывшим работником. Он предлагает ему различные варианты помощи, действуя в точном соответствии с благотворительной этикой. Например, предлагает помочь с работой:

«Хотите снова поступить к кому-нибудь в переписчики? <...> Хотите пойти сидельцем в мануфактурную лавку? <...> А место буфетчика в ресторане вас не прельщает? <...> Ну, тогда вы, может быть, хотите поездить, получать для купцов деньги по счетам с иногородних покупателей? Это бы вам и для здоровья было полезно» [Мелвилл 1988: 51], и т. д., и т. д.

Он пытается найти ему новое пристанище и заходит так далеко, что соглашается его приютить:

«...пойдемте ко мне — не в контору, а домой, и поживите у меня, пока мы не спеша придумаем для вас что-нибудь подходящее» [Мелвилл 1988: 52].

Получив отказ, он понимает,

«...что сделал все возможное как по отношению к домовладельцу и его съемщикам, так и по отношению к Бартлби, которого из чувства долга и просто из жалости пытался до сих пор оградить от грубых преследований» [Мелвилл 1988: 52].

Но это вполне справедливое с моральной точки зрения оправдание не удовлетворяет прежде всего самого стряпчего, который страдает от укулов совести и продолжает ходить к Бартлби в тюрьму, куда того отправляет полиция.

Иными словами, милосердный стряпчий готов пожертвовать одной десятой долей времени и средств, а возможно, даже несколькими долями, но никак не десятью десятыми; благодеяние может быть оказано только **в обмен** на усердие, или на согласие жить в соответствии с нормой, или на признательность, которая могла бы дать благотворителю чувство самоудовольствования (не случайно в критике Бартлби традиционно и настойчиво сравнивается с фигурой Христа, взывающей к безусловной милости). Бартлби отказывается играть по этим правилам, и, следовательно, стряпчий обречен вечно испытывать чувство вины, вопреки тому, что «сделал все возможное»⁴. Неспособность, более того, невозможность принятия инаковости Бартлби — предел милосердия как социальной практики, предел сентиментального милосердия, основанного на разумном эгоизме просветителей XVIII в., милосердия как экономии.

В этом отношении очень показательна готическая метафорика рассказа, которая становится здесь предельным обозначением социальной негативности. Бартлби — это самодостаточный человек, который хочет, чтобы его оставили в покое, но одновременно он — призрак («apparition», «ghost» [Melville 1997: 31, 42]), напо-

⁴ Т. Д. Венедиктова обращает внимание на то, что «с точки зрения здравого смысла герою-повествователю не в чем себя винить — читатель и не винит его, а скорее сочувствует: он ведь сделал все, что мог, и едва ли кто на его месте мог бы сделать больше. Сверхусилие, необходимое для установления контакта с Бартлби, требует, помимо неиссякаемой (!) доброй воли, еще времени — чистого времени общения, которого у человека мало вообще, в деловом же мире „нет“ по определению» [Венедиктова 2003: 208].

минающий филантропу о неуместности всех его начинаний, о фатальной ограниченности его деятельности. В итоге стряпчему ничего не остается, как сломя голову бежать от своего призрака и невыносимого кошмара («intolerable incubus» [Melville 1997: 43]), покидая проклятую контору и оставляя Бартлби своим преемникам. Бегство не помогает, и он сам начинает преследовать своего «призрака» — еще одна жанровая инверсия в рассказе.

Как упоминалось выше, в «довоенной» Америке благотворительность считалась прежде всего женским предназначением и занятием и тем самым традиционно связывалась с культурой домашней жизни, занимая сферу повседневного, привычного, знакомого, упорядоченного (canny). В рассказе Мелвилла, напротив, милосердие неожиданно начинает граничить с жутким (uncanny). Например, незнакомой, непривычной, жуткой становится для стряпчего сама его контора, когда он обнаруживает, что в ней поселился Бартлби. Контора, с ее знаменитой стеной, на которую обречен целыми днями смотреть из окна переписчик, — это прямое отрицание домашнего уюта, столь высоко ценимого современниками и современниками Мелвилла. Появление в ней «призрака» совершенно не удивительно. Наконец, в «готисизации» темы милосердия участвует и мотив заражения, который вводится в качестве своеобразной альтернативы симпатии⁵.

О заражении в «Писце Бартлби» много было написано, в частности о заражении знаменитой фразой «I prefer not to» [Melville 1997: 25] (буквально «Я предпочитаю не»), которую повторяет писец. Когда один из клерков, Кусачка, возмущается поведением Бартлби, рассказчик резко прерывает его словами: «Мистер Кусачка, — сказал я, — я бы предпочел, чтобы вы пока отсюда ушли». И тут же замечает:

«В последнее время я стал ловить себя на том, что употребляю это слово „предпочитать“ по всякому поводу, даже и не вполне подходящему. И я трепетал при мысли, что общение с переписчиком уже успело отразиться на моем рассудке. Не последует ли за этим и более серьезное помрачение ума?» [Мелвилл 1988: 40].

Когда приходит Индюк и тоже говорит «предпочел бы», стряпчего охватывает тревога: «Значит и вы подхватили это слово?» Индюк недоумевает, более того — отрицает:

«— А-а, „предпочел“? Да, да, чудное слово. Я-то его никогда не употребляю. Так вот, сэр, я и говорю, если б он только предпочел...

— Индюк, — перебил я, — будьте добры выйти отсюда.

— Слушаю, сэр, конечно, если вы так предпочитаете.

Когда он отворил дверь, Кусачка увидел меня со своего места и спросил, как я предпочитаю — чтобы он переписал такой-то документ на голубой бумаге или на белой. Слово „предпочитаю“ он произнес без всякого озорства или подчеркивания.

⁵ Заражение, вызывающее неизбежные медицинские ассоциации у современного читателя, в романтической литературе XIX в. ни в коем случае не было физикалистским термином, принимая во внимание характерную для романтизма размытость границ между телесным и душевным, физиологией и психикой. Заразиться можно было не только болезнью, но и страхом, тревогой, беспокойством, смехом, словом и пр. Именно в таком широком смысле это слово (infection, contagion) используется исследователями Мелвилла и будет использоваться нами в дальнейшем. О заражении как важнейшем мотиве романтической литературы см. в нашей книге [Уракова 2009: 200–221].

Ясно было, что оно слетело у него с языка само собой. Нет, подумал я, пора избавиться от сумасшедшего, который и мне, и моим клеркам уже свихнул если не мозги, то язык» [Мелвилл 1988: 41].

Невольное подхватывание слова — эффектный пример заражения в действии: слово повторяется без всякого намерения со стороны говорящего. Жиль Делёз обратил внимание на то, что заразительность слова связана с аграмматичностью выражения, его ускользанием от лингвистической нормы. Выверт или вывих языка и происходит в том числе потому, что выражение Бартлби само по себе вывернутое или вывихнутое; это болезнь языка, которая распространяется, подобно эпидемии.

«...Я НЕ ПРЕДПОЧИТАЮ, которая будет множиться и множиться, перекидываться на других, обратит в бегство стряпчего, а также и язык, будет расширять зону неопределенности или неразличимости, так что слова больше не будут различаться, равно как и персонажи...» [Делёз 2002: 54].

Показательно, что аграмматической эпидемией охвачен не только стряпчий, но также Кусачка и Индюк, которые не питают к Бартлби никакого сочувствия; заражение действует по другим законам, нежели симпатия, которая предполагает осознанное вовлечение и отождествление. Сочувствие к ближнему непосредственно связано со способностью вообразить себя на месте другого. В «Теории нравственных чувств» А. Смита — этой библии сентиментализма — утверждается, что сочувствие к ближнему непосредственно связано со способностью вообразить себя на месте другого. Как пишет Смит в первой главе, «О симпатии», только благодаря воображению человек оказывается способен сопережить страдания ближнему — «как бы войти в его тело» и «испытать схожие чувства, хотя бы и в более слабой степени» [Smith A. 2002: 12]. В сентиментальной симпатии, побуждающей к милосердию, есть момент контагиозности, произвольной телесной реакции, однако сама симпатия — многосоставный процесс — в не меньшей степени умозрительный, чем телесно-сенсорный. Он невозможен без «внутреннего наблюдателя», по Смигу, — нравственного мерил, имплицитного морального агента, оценивающего со стороны. Иная ситуация — с мотивом заражения в готической литературе этого же периода: когда от персонажа к персонажу передаются страх, тревога, беспокойство, нервное возбуждение, безумие — причем в полной мере, а не «в более слабой степени». Передача может осуществляться посредством книги, рассказа, совместных занятий искусством или различных форм невербального общения (см. об этом подробно: [Уракова 2009]). Отношения телесно-миметического сходства — вплоть до стирания различий, так называемого романтического двойничества — всегда произвольны; зачастую персонаж, который их испытывает, не отдает себе в них отчета или замечает только симптомы «болезни».

В данном контексте не удивительно, что стряпчий всячески противится заражению и искренне боится заразиться «расстройством» Бартлби, будь то меланхолия или «болезнь» языка. Р. Дж. Злогар, рассматривающий «Писца Бартлби» в контексте метафоры проказы, отмечает, например, следующие намекающие на этот страх детали: стряпчий застегивает пиджак на все пуговицы или кладет руку в карман, когда приближается к Бартлби или даже думает о нем. Само бегство стряпчего из зараженного / прокаженного дома может быть рассмотрено как «радикальная мера», к которой он вынужден прибегнуть, движимый инстинктом самосохране-

ния. В свою очередь, подобно прокаженному, Бартлби одновременно подвергается социальному ostracismu и побуждает к милосердию [Zlogar 1999: 514–515].

Делёз отмечает, что стряпчий «ведет себя странным образом» с самого начала рассказа, однако «странности» с очевидностью возрастают по мере развития сюжета и связаны не только с повтором «прилипчивой» фразы. Аномалией становится сама привязанность рассказчика к Бартлби, в которой часто видят гомоэротический подтекст; все его поведение до абсурдности нелепо: стряпчий вынужден бежать из собственной конторы, чтобы избавиться от плохого работника, но и после этого продолжает ходить за ним по пятам. Когда на следующий день он возвращается в контору проведать Бартлби, на него показывают пальцем и кричат: «Вот он, вот он идет!» [Мелвилл 1988: 50]. Стряпчий оказывается меченным своей связью с Бартлби — вопреки здравому смыслу рыночных отношений между работодателем и работником, основанных на дистанции и отчуждении. Казалось бы, дар времени, который стряпчий дает своему писцу, — а если он что-то и дает ему, так это время, возможность просто быть, пребывать в его конторе, — накладывает на него особые обязательства, связывает его невидимой нитью с Бартлби даже после того, как их формальные отношения прерываются.

От начала и до конца стряпчий остается субъектом сентиментальной филантропии «довоенного» периода, пытаясь найти компромисс между собственными интересами и моральным императивом, между импульсом чувствительного сердца и моральными установками своего времени. Но незаметно для себя он сам становится **другим** — благодаря своей связи с Бартлби, накладывающей отпечаток на его личность. Не только страх заражения, но и заражение в действии — душевным расстройством, меланхолией, аномальным, асоциальным поведением — подтачивает авторитетную рассудительность и благоразумие рассказчика. Как Индюк, который все время использует слово «предпочел бы», не отдавая себе в этом отчета, рассказчик убеждает и себя, и читателя, что остается в пределах нормы. Мораль всецело принадлежит дискурсу рассказчика, непрестанно оценивающего правильность и правомерность своих поступков. В то же время заражение имеет непосредственное отношение к этике как единственно возможный способ безоговорочного, внедискурсивного отождествления с состоянием другого, ставящего под сомнение сентиментальное милосердие с его регламентированными рамками и устойчивыми нравственными критериями. Заражение приглашает со-переживать инаковости, которая воспринимается в обществе как аномалия и как таковая исключает отношения симпатии, основанные на идее тождества универсальных гуманистических ценностей и чувств.

После смерти Бартлби стряпчему ничего не остается, как рассказать о нем историю, которая, с одной стороны, служит способом самооправдания (рассказчик все время словно вопрошает читателя: «правильно ли я сделал? а как бы поступили вы?»), но с другой стороны — «вирусом», инфицирующим читателя (не случайно заражение в самом рассказе начинается с языка). Так и не разобравшись в том, кто такой Бартлби, стряпчий не может вынести о нем морального суждения, как того требовал жанр истории на благотворительный сюжет; он может только поведать нам историю собственной одержимости, поделиться опытом трансгрессии социального, в котором он сам не отдает себе отчета.

Таким образом, как мы постарались показать, «Писец Бартлби» можно прочитать как развернутый комментарий Мелвилла к дискуссиям о благотворительности и ее границах, которые активно велись его современниками. Мелвиллу была глубоко чужда «экономика милосердия» «довоенного» периода, которая предполагала жертвование долей имущества или времени в пользу нуждающегося и была неразрывно связана с нравственной оценкой («достойный» / «недостойный» бедный). В «Писце Бартлби» Мелвилл остраивает саму идею милосердия, подменяя сентиментальный мотив симпатии романтическим и готическим мотивом заражения, угрожающим самоидентичности и автономности субъекта. При этом сам он принципиально уклоняется от какого бы то ни было морального суждения — как в отношении писца Бартлби, которому не соответствует ни одна из предлагаемых социальных «масок», так и в отношении стряпчего — добросердечного, но незадачливого филантропа.

Источники

- Мелвилл 1988 — Мелвилл Г. «Писец Бартлби». Лорие М. (пер.). Мелвилл Г. *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1988, сс. 21–56.
- Торо 1979 — Торо Г. Д. *Уолден, или Жизнь в лесу*. Елистратова А. А. (ред.); Александрова З. Е., Старцев А. И., Елистратова А. А. (подгот. изд.). 2-е изд. М.: Наука, 1979, 455 с. (Литературные памятники).
- Beecher 1843 — Beecher C. E. *A Treatise on Domestic Economy: For the Use of Young Ladies at Home, and at School*. Boston: Thomas H. Webb, 1843, 383 p.
- Gerando 1832 — Gerando J.-M. de. *The Visitor of the Poor: Designed to Aid in the Formation and Working of Provident and Other Kindred Societies*. Tuckerman J. (introd.). Boston: Hilliard, Gray, Little, and Wilkins, 1832, 211 p.
- Melville 1997 — Melville H. “Bartleby the Scrivener”. Melville H. *The Complete Shorter Fiction*. New York: Alfred A. Knopf, 1997, pp. 18–51.
- Sedgwick 1836 — Sedgwick C. M. *The Poor Rich Man, and the Rich Poor Man*. New York: Harper and brothers, 1836, 186 p.
- Sigourney 1833 — Sigourney L. *Letters to Young Ladies*. New York: Harper and Brothers, 1833, 259 p.
- Smith S. 1843 — Smith S. “Billy Snub, The Newsboy”. *The Gift: A Christmas and New Year’s Present*. Leslie E. (ed.). Vol. 6. Philadelphia: Carey and Hart, 1843, pp. 58–84.

Литература

- Венедиктова 2003 — Венедиктова Т. Д. *Разговор по-американски: Дискурс торго в литературной традиции США*. М.: НЛЮ, 2003, 322 с. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 32).
- Делёз 2002 — Делёз Ж. *Критика и клиника*. Фокин С. Л., Волчек О. Е. (пер. с фр.). СПб.: Machina, 2002, 240 с.
- Смит 1997 — Смит А. *Теория нравственных чувств*. Мееровский В. В. (вступ. ст.); Грязнов А. Ф. (подгот. текста, коммент.). М.: Республика, 1997, 352 с.
- Уракова 2009 — Уракова А. П. *Поэтика тела в рассказах Эдгара Алана По*. М.: Ин-т мировой литературы РАН, 2009, 251 с.
- Bremner 1988 — Bremner R. H. *American Philanthropy*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, 291 p.
- McCall 1989 — McCall D. *The Silence of Bartleby*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1989, XIII, 206 p.
- Miller 1990 — Miller J. H. “Who is He? Melville’s Bartleby the Scrivener”. Miller J. H. *Versions of Pygmalion*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1990, pp. 141–178.

- Ryan 2003 — Ryan S. M. *The Grammar of Good Intentions: Race and the Antebellum Culture of Benevolence*. Ithaca: Cornell University Press, 2003, XII, 235 p.
- Smith A. 2002 — Smith A. *The Theory of Modern Sentiments*. Haakossnen K. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 411 p.
- Zlogar 1999 — Zlogar R. J. “Body Politics in “Bartleby”: Leprosy, Healing, and Christ-ness in Melville’s “Story of Wall-Street””. *Nineteenth Century Literature*. 53, 4, 1999: 505–529.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2017 г.

Статья рекомендована в печать 8 сентября 2017 г.

Urakova Alexandra Pavlovna

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia;
alexandraurakova@yandex.ru

Between sympathy and contagion: “Bartleby the Scrivener” and the US charity discourse of the mid-19th century

For citation: Urakova A. P. Between sympathy and contagion: “Bartleby the Scrivener” and the US charity discourse of the mid-19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 376–389. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.305> (In Russian)

The paper analyzes a famous short story “Bartleby the Scrivener” (1854) by H. Melville against the context of philanthropic practices and charity rhetoric of the antebellum United States. It claims that the narrator, or the lawyer, represents the type of a sentimental philanthropist: he feels sympathy and compassion for Bartleby and yet acts in accordance with moral conventions and prejudices of his time. Almost all scholars of the antebellum philanthropy point at its ambivalence. On the one hand, charity was bearing on the idea of Christian duty and sentimental sympathy to the poor and to the destitute, on the other most of the charity practices of the period professed the Smithian principles of reasonable economy, or the “economy of charity,” to use the term of an American poet Lydia Sigourney. The paper argues that Melville employs the stereotypes of contemporary charity discourse in order to pose complex ethical questions and suggests an alternative model of relationship between a philanthropist and his dependent. For example, such well-known antebellum charity practice as the visit of the poor is represented in the story in the grotesque and inverted form. Sympathy is replaced by contagion that breaks with the sentimental notion of charity based on the idea of the sameness of universal values and sentiments. The article also demonstrates how in Melville’s short story, the very idea of charity is removed from the sphere of familiar and canny and begins to verge on the uncanny and the on Gothic.

Keywords: G. Melville, *Bartleby the Scrivener*, benevolence, ethics, philanthropist, *unworthy poor*, visits of the poor, sympathy, contagion, uncanny.

Source

- Мелвилл 1988 — [Melville H.] “Bartleby, the Scrivener: A Story of Wall-Street”. *Putnam’s Magazine*. 11–12, 1853. (Russ. ed.: Melvill G. “Pisets Bartlbi [Bartleby, the Scrivener]”. Lorie M. (transl.). Melvill G. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 3 vols. Vol. 3. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988, pp. 21–56.) (In Russian, transl. from English)
- Торо 1979 — Thoreau H. D. *The Writings*: in 20 vols. Vol. 3: Walden; or, Life in the Woods. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co., 1906, 364 p. (Russ. ed.: Toro G. D. *Uolden, ili Zhizn’ v lesu* [Walden; or, Life in the Woods]. Elistratova A. A. (ed.); Aleksandrova Z. E., Startsev A. I., Elistratova A. A. (prep. of

- the publ.). 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 1979, 455 p. (Literaturnye pamiatniki [Literary Monuments].) (In Russian, transl. from English)
- Beecher 1843 — Beecher C. E. *A Treatise on Domestic Economy: For the Use of Young Ladies at Home, and at School*. Boston: Thomas H. Webb, 1843, 383 p.
- Gerando 1832 — Gerando J.-M. de. *The Visitor of the Poor: Designed to Aid in the Formation and Working of Provident and Other Kindred Societies*. Tuckerman J. (introd.). Boston: Hilliard, Gray, Little, and Wilkins, 1832, 211 p.
- Melville 1997 — Melville H. “Bartleby the Scrivener”. Melville H. *The Complete Shorter Fiction*. New York: Alfred A. Knopf, 1997, pp. 18–51.
- Sedgwick 1836 — Sedgwick C. M. *The Poor Rich Man, and the Rich Poor Man*. New York: Harper and brothers, 1836, 186 p.
- Sigourney 1833 — Sigourney L. *Letters to Young Ladies*. New York: Harper and Brothers, 1833, 259 p.
- Smith S. 1843 — Smith S. “Billy Snub, The Newsboy”. *The Gift: A Christmas and New Year’s Present*. Leslie E. (ed.). Vol. 6. Philadelphia: Carey and Hart, 1843, pp. 58–84.

References

- Венедиктова 2003 — Venediktova T. D. *Razgovor po-amerikanski: Diskurs torga v literaturnoi traditsii SShA* [“Conversation in American”: Discourse of Bargaining in the American Literary Tradition]. Moscow: NLO Publ., 2003. 322 p. (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie [New Literary Observer. Scholar Appendix]. Vol. 32). (In Russian)
- Делёз 2002 — Deleuze G. *Critique et clinique*. Paris: Minuit Publ., 1993, 188 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Kritika i klinika* [Essays Critical and Clinical]. Fokin S. L., Volchek O. E. (transl. from French). St. Petersburg: Machina Publ., 2002. 240 p.) (In Russian, transl. from French)
- Смит 1997 — [Smith A.] *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith*: in 7 vols. Vol. 1: *The Theory of Moral Sentiments*. Raphael D. D., Macfie A. L. (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1976. ??? p. (Russ. ed.: Smith A. *Teoriia npravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Meerovskii V. V. (introd.); Griaznov A. F. (prep. of the publ., comment.). Moscow: Respublika Publ., 1997, 352 p.) (In Russian, transl. from English)
- Уракова 2009 — Urakova A. P. *Poetika tela v rasskazakh Edgara Alana Po* [Poetics of the Body in the Stories of Edgar Allan Poe]. Moscow: Institute of World Literature RAS Publ., 2009, 251 p. (In Russian)
- Bremner 1988 — Bremner R. H. *American Philanthropy*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, 291 p.
- McCall 1989 — McCall D. *The Silence of Bartleby*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1989, 206 p.
- Miller 1990 — Miller J. H. “Who is He? Melville’s Bartleby the Scrivener”. Miller J. H. *Versions of Pygmalion*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1990, pp. 141–178.
- Ryan 2003 — Ryan S. M. *The Grammar of Good Intentions: Race and the Antebellum Culture of Benevolence*. Ithaca: Cornell University Press, 2003, XII, 235 p.
- Smith A. 2002 — Smith A. *The Theory of Modern Sentiments*. Haakossnen K. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 411 p.
- Zlogar 1999 — Zlogar R. J. “Body Politics in “Bartleby”: Leprosy, Healing, and Christ-ness in Melville’s “Story of Wall-Street””. *Nineteenth Century Literature*. 53, 4, 1999: 505–529.

Received: May 10, 2017

Accepted: September 8, 2017